

слова одного корня, отсюда въ Голубиной книгѣ на вопросъ: „откуда у насъ зори ясныя?“ — дается отвѣтъ: «*зори* ясныя отъ *очей* Господнихъ».

Не было такого времени, когда бы человѣкъ не мыслилъ; не было и такого, когда бы человѣкъ не творилъ поэтическимъ образомъ. Поэзія прирождена человѣку на столько же, какъ и наука: фантазія, являющаяся творческою силою при созданіи поэтическихъ произведеній, на столько же присуща человѣку на всякой ступени его развитія, какъ и разумъ, создающій науку. Поэтому нельзя сказать, что поэзія даннаго народа начинается въ такую то эпоху: начало ея восходитъ ко времени первыхъ проблесковъ народнаго сознанія.

§ 49. Начало поэзіи.

Въ народной поэзіи вовсе нѣтъ ни аллегорическихъ, ни метафорическихъ, ни фигуральныхъ выраженій. Образы народной поэзіи нужно понимать не иносказательно, а буквально. Если поэтъ образованнаго общества допустилъ въ своемъ произведеніи такое выраженіе: «и блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...» «Какъ молнія косою блестятъ» (Держ.), — то это не болѣе, какъ воплощеніе въ образѣ той мысли, что смерть есть удѣлъ всего живаго; если же бы мы встрѣтили такой образъ въ народной поэзіи, то должны были бы понять его буквально, т. е. признать за народомъ убѣжденіе въ томъ, что есть такое блѣдное существо, вооруженное блестящею косою, которое глядитъ въ массы людей и выбираетъ себѣ жертву. Предметы, сопоставляемые, сравниваемые въ позднѣйшее время, въ сознаніи первобытнаго народа отождествлялись. Молнія змѣей (— какъ змѣя, подобно змѣѣ) блеснула на темной тучѣ, скажемъ мы теперь, уподобляя зигзаги молніи извилистому движенію змѣи; для человѣка первобытнаго молнія была именно змѣя, только змѣя небесная. Называя молнію небесною змѣею, человѣкъ первобытный не создавалъ намѣренно поэтическаго образа, а только обозначалъ въ словѣ свое пониманіе естественнаго явленія. Человѣкъ, замѣчая какое либо новое, до той поры не представлявшееся ему явленіе, естественно, искалъ объясненія его. Данный новый

§ 50. Отличительныя черты народно-поэтическихъ произведеній.